

Юэхун резко вскинула голову. Позабыв о всяком приличии, она во все глаза уставилась на Гань Ци. Что только что сказал император? Он действительно собирается отправить её в Управление наказаний?!

Оттуда живыми не возвращаются.

Юэхун оцепенела от ужаса. Она только открыла рот, чтобы молить о пощаде, но её тут же бесцеремонно заткнули и выволокли из зала. Несчастливая и в страшном сне не могла представить, что в мгновение ока превратится из главной горничной Обители безмятежной радости в бесправную жертву застенков.

Когда в покоях вновь воцарилась тишина, перед глазами Гань Ци снова непрошено всплыл знакомый образ: лицо, взгляд, едва уловимый жест. Мысли о Сяо Шуньцзы безраздельно властвовали в его разуме, и прогнать их не было никакой возможности.

Гань Ци тяжело вздохнул. Не в силах более сдерживать этот порыв, он поднялся и направился к выходу. Заметив, что слуги потянулись следом, император недовольно махнул рукой:

— Не нужно за Нами ходить.

Придворные переглянулись, но остались на месте.

Гань Ци шёл не спеша, то и дело останавливаясь и словно раздумывая, но в итоге ноги сами привели его к маленькому дворику. Здесь жил Сяо Шуньцзы, но император прежде никогда сюда не заглядывал.

Зачем господину посещать лачугу слуги? Раньше он даже не задумывался об этом, но сейчас это место тянуло его с такой силой, что, подойдя к дверям, Гань Ци собрал волю в кулак, чтобы просто войти.

Он всё ещё колебался, стоит ли толкать дверь или лучше сначала подать голос, как ворота внезапно распахнулись. В проёме показался тот самый человек, о котором он грезил все последние дни.

На мгновение императору показалось, что пустота в его груди чем-то заполнилась, а хаос в мыслях утих.

Су Юй, заметив гостя, сначала опешил, но тут же поспешно склонился в поклоне:

— Раб приветствует императора. Не знал, что Ваше Величество удостоит меня своим визитом, и заставил вас ждать у порога. Моя вина непростительна.

— Полно, Мы просто прогуливались, — Гань Ци смотрел на него не отрываясь, словно никак не мог насмотреться. Лишь спустя мгновение он вспомнил, что тот собирался выйти. — Ты куда-то направился?

Су Юй неловко почесал затылок и улыбнулся:

— Да нет, Ваше Величество. Просто заперся в четырёх стенах на столько дней, вот и решил немного размяться, а то совсем разленюсь.

«Тогда почему ты не пришёл служить Мне?» — едва не сорвалось с языка Гань Ци, но он вовремя вспомнил, что сам же его и прогнал.

— Как твоё здоровье? — спросил он вместо этого.

— У таких, как я, шкура дублёная, всё заживает как на собаке. Я уже совсем здоров, — Су Юй лучезарно улыбнулся. С Магазином интеллекта под рукой было бы странно не поправиться.

Гань Ци кивнул. Он хотел сказать что-то ещё, но никак не находил темы для разговора — он просто не привык к подобным беседам.

— Раз уж Ваше Величество здесь, не желаете ли зайти в мой скромный двор и присесть? — осторожно спросил Су Юй, но тут же спохватился. — Впрочем, не стоит. Здесь слишком убого, боюсь, это оскорбит взор Вашего Величества.

Видя, как Сяо Шуныцзы робеет и почти принижает себя, Гань Ци почувствовал внезапный укол боли в сердце.

— Мы как раз хотели осмотреться.

С этими словами он переступил порог. Дворик оказался крошечным: дорожка из щебня, две персиковых яблони по бокам, каменный стол со скамьёй, а в глубине — домик из трёх комнат.

Для слуги это были почти хоромы, но императору сейчас казалось, что он все эти годы незаслуженно обделял этого человека.

— С завтрашнего дня переезжай в боковой придел Нашего дворца, — произнёс Гань Ци, почти не раздумывая. Сказал — и сам понял, насколько это некстати, но брать слова назад было не в правилах императора.

Су Юй удивленно вскинул глаза, а затем, просияв от радости, низко поклонился:

— Ваше Величество так милостивы к своему рабу... Я бесконечно благодарен за вашу заботу.

Гань Ци неловко отвел взгляд и, заложив руки за спину, вошёл в дом. В жилой комнате Су Юя — той, что справа — стояли лишь кровать, стол да шкаф. Эта простота почему-то разозлила императора, и, бегло осмотревшись, он вернулся во двор.

Су Юй почтительно следовал за ним, не проронив ни слова, пока Гань Ци не остановился.

— Здесь слишком скудно, даже сесть негде. Одно расстройство, — пробормотал император.

Ему претила мысль, что Сяо Шуньцзы останется здесь ещё хоть на одну ночь. Он властно кивнул:

— Иди собирай вещи. Отправись с Нами прямо сейчас.

Су Юй снова на миг замер, а затем расплылся в улыбке:

— Как прикажете, Ваше Величество! Я мигом.

Через четверть часа Су Юй с небольшим узелком в руках уже шагал вслед за императором, навсегда покидая свой старый дворик. Так он официально поселился в боковом приделе императорских покоев.

Обстановка здесь была немногим скромнее главного зала — роскошно и уютно. Гань Ци лично распорядился, чтобы всё вычистили до блеска.

Су Юй присел на край новой кровати, поглядывая на стену, за которой находились покои императора.

«Пройдёт совсем немного времени, и я переберусь и туда», — подумал он.

Но прежде нужно было свести старые счета.

Гань Ци в это время тоже думал о человеке за стеной. Ему хотелось немедленно позвать его к себе, но он всё ещё не понимал, как определить их отношения, а потому не решался действовать опрометчиво.

С тяжёлым вздохом он закрыл глаза, пытаясь унять раздражение и усталость.

Пока эти двое, разделенные лишь стеной, предавались раздумьям, Цинь Ижань в Обители безмятежной радости рвала и метала. Весть о том, что Юэхун брошена в Управление

наказаний, подкосила её.

— Что ты сказала?! Повтори! — Цинь Ижань вцепилась в руку перепуганной служанки, её глаза буквально вылезали из орбит.

Та, морщась от боли, заикаясь, повторила:

— Госпожу Юэхун... император отправил в Управление наказаний. Мне об этом один из евнухов Величества шепнул.

— Как это могло случиться! По какому праву он тронул мою Юэхун?! — Цинь Ижань задыхалась от ярости. Она оттолкнула служанку и принялась метаться по залу. — Гань Ци... Как он посмел так поступить с моим человеком!

Служанка упала на пол, не смея даже дыхнуть. Она впервые видела госпожу в таком состоянии, и это зрелище её по-настоящему пугало.

— Нет, я пойду к нему. Я потребую объяснений! Это переходит все границы! — Вне себя от гнева, Цинь Ижань направилась к дверям, но её преградила другая горничная.

— Госпожа, умоляю, остыньте. Сейчас вам нельзя к императору. — Эта девушка по имени Юэлянь выглядела совершенно заурядно, но в её глазах светилась холодная, не по годам зрелая рассудительность.

— Он бросил мою самую близкую служанку в застенки! — взвизгнула Цинь Ижань. — Почему я должна молчать?!

Юэлянь спокойно встретила её взгляд:

— Госпожа, не забывайте, кто вы.

Этот ледяной тон подействовал на Цинь Ижань как ушат холодной воды. Она замерла, тяжело дыша, пытаясь взять себя в руки.

Видя, что хозяйка начала остывать, Юэлянь подошла к лежащей на полу служанке и мягко помогла ей подняться.

— Ты не ушиблась?

— Нет... всё хорошо, — пролепетала та, дрожа всем телом.

— Госпожа просто была не в себе, не принимай это на свой счёт, — ласково проговорила Юэлянь, погладив её по плечу.

Служанка, опустив голову, промолчала. Было ясно, что она смертельно напугана.

— Ступай, — улыбнулась Юэлянь.

Девушка выскочила за дверь, точно спасённая от казни, и не видела, каким взглядом — как на мертвеца — посмотрела ей в спину Юэлянь.

Когда они остались одни, Юэлянь подвела Цинь Ижань к столу и усадила, вкрадчиво нашептывая:

— Я понимаю, как вам дорога Юэхун. Но мы в императорском дворце. Здесь каждый жест, каждое слово должны быть выверены. Одна ошибка — и вы больше никогда не увидите тех, кто ждёт вас за стенами этого города.

Цинь Ижань окончательно пришла в себя, но в душе всё ещё kloкотала обида. Гань Ци твердил, что обожает её, обещал быть терпеливым и чутким. И что же? Он отправил Юэхун, которая была с ней с самого детства, в руки палачей!

Как он мог... Как он посмел?!

— Госпожа, выслушайте меня. Если вы сейчас ворвётесь к императору с обвинениями, вы не спасёте Юэхун, — Юэлянь присела перед ней, и её голос зазвучал успокаивающе. — Если император решил на такое наказание, значит, между вами и им пролегла трещина. Скандал лишь увеличит её, и тогда Юэхун точно конец.

Цинь Ижань не хотела признавать очевидного, но понимала: в словах служанки есть смысл. Скорее всего, Гань Ци так мстит за ту историю с Сяо Шуныцзы.

Подумать только: император целой страны, а ведёт себя как мелочный и злопамятный лавочник. Какая мерзость!

Она брезгливо поморщилась:

— И что же ты предлагаешь?

— Если хотите вызволить Юэхун, единственный путь — наладить отношения с императором. — В глазах Юэлянь на миг вспыхнул странный блеск.

Лицо Цинь Ижань исказилось от отвращения:

— Мне тошно от одного его вида! Чтобы я сама пошла к нему мириться? Да лучше убейте меня прямо здесь!

Она разрешила Юэхун пойти к нему лишь для того, чтобы Гань Ци сам приполз к ней с извинениями. Мысль о том, что ей придётся заискивать перед ним, была невыносима.

Юэлянь в душе презирала хозяйку за непроходимую глупость, но внешне оставалась воплощением преданности:

— Я знаю ваши чувства, госпожа. Но Юэхун сейчас в Управлении наказаний. Если мы не вытащим её в ближайшее время, боюсь...

Она не договорила, но смысл был ясен. Цинь Ижань долго сидела с мрачным лицом, кусая губы, и наконец сквозь зубы выдавила:

— Ладно. Я поняла, что нужно делать.

<http://bllate.org/book/17580/1719096>